

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ КАК СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: ИСТОЧНИКИ, ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Н.А. Берсенева

Дети представляют собой социальную группу, уникальную во многих отношениях. Первая часть жизни является одновременно и периодом, универсальным для всех человеческих сообществ, и в то же время очень культурно-специфичной конструкцией, индивидуальной для каждого общества. В настоящее время вопрос, может ли или должна ли археология изучать «детство» в древности, уже не стоит на повестке дня. Оформившись в конце 80-х гг. XX в., археология детства прочно заняла своё место в рамках социального направления в науке. В статье обсуждаются подходы и методы анализа «мира детей» по данным археологии, а также имеющиеся в нашем распоряжении источники. Изучение литературы и материалов раскопок демонстрирует, что современная наука располагает большим корпусом источников по данной проблематике — от многочисленных погребений до находок на поселениях. Теоретические подходы в основном разработаны за предыдущие десятилетия, а методы продолжают совершенствоваться с каждым днём. Наряду с анализом массового материала сегодня активно используются естественно-научные методы, позволяющие проникнуть в жизнь отдельных индивидов и их семей. В настоящее время археологическая наука пытается реконструировать разные стороны жизни детей — взросление, социализацию, развитие навыков и досуг, участие в ритуалах и общественной жизни, а также такие персональные характеристики, как питание, физическое развитие, патологии, болезни и причины смерти. Таким образом, в XXI в. археология детства постепенно выходит на качественно иной уровень аргументации своих выводов и предположений.

Ключевые слова: социальная археология, археология детства, источники, подходы, методы.

Берсенева Наталья Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Natalia Berseneva, doct. hist. sc. Leading Researcher of The Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: bersnatasha@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Дети представляют собой социальную группу, уникальную во многих отношениях. Первая часть жизни является одновременно и периодом универсальным для всех человеческих сообществ (только наш вид практикует достаточно продолжительную заботу о потомстве), и в то же время весьма культурно-специфичной конструкцией, поскольку пути и особенности социализации отличаются в каждом обществе.

В древности дети были самой многочисленной социальной категорией, так как для выживания популяции было необходимо, чтобы индивиды до 15 лет составляли как минимум 50% всего населения (Chamberlain 1997: 249). Соответственно, древние общества были очень «молодыми». Из-за высокой смертности в раннем возрасте и низкой продолжительности жизни детство было единственной порой, которую удавалось прожить значительному количеству людей. Согласно современной психологии, именно в детстве закладываются базовые черты характера будущих взрослых, основы их знаний и умений, формируются социальные нормы поведения, которые в дальнейшем обеспечивают выживание социума не только в биологическом, но и в социальном и культурном отношении. Социологи отмечают, что «модель детства» всегда направлена на поддержание и воспроизводство существующей модели общественного порядка и, следовательно, очень важна для нормальной жизни социума (Scott 1997: 6). Из всего сказанного следует, что изучение детей как социальной категории имеет огромную важность для реконструкции социальных структур древних обществ.

Осознание необходимости специального изучения детей и детства по археологическим данным пришло к учёным относительно недавно. В европейской археологии отсчёт ведётся от публикации Г. Лиллехаммер, посвящённой роли детей в каменной индустрии неолитической Скандинавии (Lillehammer 1989). С тех пор на Западе «археология детства» развивалась в рамках феминистского, а после — постпроцессуального направления. В настоящее время за рубежом выходит множество статей и коллективных монографий широкого тематического спектра, посвящённых данной теме, — от примеров изучения детей в рамках отдельных памятников и культур до общетеоретических работ. Большой прогресс также достигнут в биоархеологическом изучении детских останков, при исследовании которых на регулярной основе применяются методы естественных наук.

В отечественной археологии изучение древнего «детства» началось несколько позже, на рубеже XX—XXI вв., и с тех пор успешно развивается, как мы увидим ниже. Однако нужно отметить, что нет пока ни одной монографии, ни индивидуальной,

ни коллективной, посвящённой непосредственно детству в древности. Эти пробелы необходимо начать заполнять.

Как и во всей социальной археологии ранних периодов, изучение «детства» связано со многими проблемами. Одна из первых, которая может быть обозначена в связи с этой темой, — терминологическая. В биологии, психологии, социологии и социальной антропологии содержание терминов «ребёнок» и «детство» заметно отличается (Бочаров 2001: 16—17; Crawford and Lewis 2008: 7). Кроме того, многомерно само понятие «возраст». Физическая антропология разделяет *хронологический* возраст (соотносящийся с календарной датой рождения) и *биологический* (или скелетный) возраст (медицинская конструкция, соответствующая стадии физического взросления или старения тела), которые очевидно взаимосвязаны, но не эквивалентны (Lovejoy et al. 1997: 44). *Социальный* возраст конструируется обществом и характеризует социальную позицию и поведение, которые считаются уместными для определённого хронологического возраста. Предполагается, что все три значения возраста связаны с гендером и социально структурированы, поскольку различные общества могут требовать от своих членов выполнения различных ролей в зависимости от возраста.

Социальный возраст является специфичным для каждого отдельного общества феноменом, однако различия между взрослыми и детьми универсальны (Sofaer 2006: 119—120). Часто с возрастом тесно связано накопление богатства и/или приобретение высокого общественного положения. Известно, что традиционные коллективы не ведут учёт календарного возраста, обращая большее внимание на физиологические изменения и на открывающиеся в связи с ними новые возможности выполнения каких-либо хозяйственных функций, ношения оружия, деторождения (Бочаров 2001: 48—50). В древности переход из одной возрастной категории в другую мог маркироваться ритуалами и, как правило, сопровождался изменениями в социальном статусе. Таким образом, археология возрастных групп тесно связана с вопросами социализации, а также, для сложных обществ, — с вопросами социальной иерархии.

ИСТОЧНИКИ

«Живые» общества демонстрируют огромное многообразие традиций и ритуалов, связанных с взрослением и приобщением ребёнка к гендерным категориям. Но археология, особенно дописьменных периодов, располагает ограниченным кругом источников, а для некоторых временных отрезков — лишь данными погребальных памятни-

ков. Археологи вынуждены в первую очередь обращаться к антропологическим определениям биологического возраста смерти, который не всегда соответствует хронологическому и тем более социальному. Таким образом, выделение *социальной* категории детей на конкретном археологическом материале само по себе является значительной методологической проблемой. Гендерный анализ детских погребений затруднён ещё и из-за невозможности установления пола ребенка по скелетным останкам.

Для ряда периодов доистории существуют известные всем трудности, связанные с состоянием источниковой базы. Несмотря на предполагаемую многочисленность детей в традиционных обществах, они в подавляющем большинстве случаев малочисленны в древних некрополях, что может отчасти объясняться селективным характером формирования могильников (Уско 1969: 270). Из этнографических источников явствует, что не достигшие взрослого состояния члены сообщества часто хоронились отдельно, в соответствии с иным ритуалом, или им отводились специальные участки на общем кладбище (Уско 1969; Очерки культурогенеза 1994). Известны хорошо документированные археологически общества, где погребения детей составляют ничтожный процент от всех захороненных в могильниках — например, ямное, савроматское и позднесарматское. Детские захоронения на этих памятниках единичны (Балабанова 2009: 83; Файзуллин 2014; Перерва 2017). Ещё одна важная проблема связана с худшей сохранностью детских останков. Зависимость степени разрушения костей от возраста погребённого установлена антропологически (Bello et al. 2006: 24–38), и часто хрупкие маленькие кости просто не сохраняются. Кроме того, неглубокие детские ямы больше страдают от распашки и деятельности норных животных.

Материалы могильников могут содержать информацию об этапах социализации детей, в первую очередь возрастной (процесс становления ребёнка полноправным взрослым) и гендерной (процесс включения его в гендерные категории мужчин и женщин). Социализация, связанная с вовлечением ребёнка в экономическую/военную деятельность, также может быть исследована, при условии, что она нашла материальное отражение в археологическом памятнике.

Материалы поселений могут дополнить информацию, получаемую из могильников. Разумеется, здесь мы не имеем дело с отдельными индивидами и связанными с ними предметами (за исключением детских захоронений на поселениях), но внимательный анализ поселенческих артефактов может помочь «найти» детей и в поселенческих контекстах. Источниками знаний могут быть различные керамические артефакты, миниатюрные и иные предметы, которые могли относиться к сфере деятельности детей.

Интересным вопросом является идентификация «игрушек» из археологических коллекций. Обычно изготовленными детьми считаются миниатюрные или непрофессионально, некачественно выполненные изделия (Kamp et al. 1999). Очевидно, что эти критерии основаны целиком на предположении, что, во-первых, маленькими руками изготавливались маленькие предметы и, во-вторых, что дети ещё не достигли уровня мастерства, требуемого для производства пригодных для хозяйственного использования вещей. Такой подход представляется легко уязвимым, тем не менее он имеет свою логику и часто является единственным, на который может опереться археология ранних периодов. Десятилетиями ранее все миниатюрные объекты или предметы непонятного назначения объявлялись «вотивными» без какой бы то ни было серьёзной аргументации. В последнее время коллекции пересматриваются, и вопрос о функциональном определении миниатюрных артефактов всё чаще решается в пользу «игрушек» (Crawford 2009; Епимахов, Берсенева 2015).

Детские игрушки, сделанные взрослыми для обучения или игры детей, идентифицировать ещё труднее, так как критерии почти всегда интуитивны. На основании одной лишь миниатюрности предмет не может быть признан игрушкой. Наиболее доказуемой является интерпретация предметов, имеющих аналоги в более поздних обществах (например, астрагалы). Трасологический метод исследования может помочь выявить предметы, действительно связанные с детьми, и сделать выводы более доказательными. Отпечатки пальцев на древней керамике (палеодерматоглифы) свидетельствуют о непосредственном контакте изготовителя с материалом, т.е. о его прямом участии в процессе создания предмета (Куприянова, 2003; Берсенева и др. 2014). Суммируя сказанное, можно назвать три основные группы артефактов, имеющих непосредственное отношение к детям: предметы, *ассоциирующиеся* с детьми в погребениях; предметы, *изготовленные* самими детьми в процессе обучения или игры, и предметы, *изготовленные взрослыми* для детей: игрушки, предметы одежды, украшения и амулеты, посуда.

На поселениях детей нередко хоронили прямо в жилом пространстве. Не будет преувеличением назвать это явление панкультурным феноменом, так как эта традиция, зародившись в каменном веке, просуществовала до этнографической современности. Она являлась для разных обществ как вариантом нормативного погребального обряда, так и альтернативной практикой, в зависимости от контекста.

Важнейшим источником являются и сами детские останки, анализ которых информирует учёных о состоянии здоровья, болезнях, питании, отчасти внешнем виде и иных аспектах жизни конкретного индивида.

ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Изучение детей и детства требует разработки новых теоретических и методологических *подходов*, так как от вопросов, которые археолог намерен «задать» своему источнику, напрямую зависят методы исследования и в конечном счёте степень информативности собранных данных. Что изучается? Возрастные группы, социализация детей, реконструкция внешнего облика и костюма, здоровье, физическое состояние и питание. Итак, как нам изучать имеющиеся в нашем распоряжении источники?

Детство как культурная конструкция имеет два главных аспекта: как определённая стадия жизненного пути (класс в возрастной структуре общества) и как период социализации — постепенного включения ребёнка во все сферы жизни социума.

Концепция социализации в основном базируется на принятом в социологии положении, что культурные стереотипы в каждом обществе не наследуются автоматически, а передаются от поколения к поколению (Crawford, Lewis 2008: 5—16). Процесс социализации включает в себя множество различных аспектов: от передачи умений, знаний, навыков и другой жизненно необходимой информации до формирования ролей и стереотипов поведения, принятых в данном человеческом коллективе. Путём социализации каждой новой генерации общество воспроизводит свои культурные нормы и ценности, а также хозяйственный уклад, способствующий его выживанию. Постепенное приобщение детей к миру взрослых происходит обычно как через направленный (и иногда формализованный) процесс обучения, так и через бессознательное восприятие и последующее подражание взрослым или более старшим детям. Дети также могут учиться друг у друга. В это время они получают знания относительно окружающего их природного и социального ландшафта, развивают физические способности и умения. Параллельно идёт формирование ментальной сферы в части прогнозирования результата деятельности.

С точки зрения современной науки социализация как процесс передачи знаний и умений принципиально может изучаться археологически (Moore and Scott (eds.) 1997; Kamp 2001; Baxter 2005; Берсенева 2010; 2022; 2023; Berseneva 2017). Подробно вопрос археологического изучения социализации детей рассмотрен Дж. Бакстер. Основными источниками она называет: (1) предметы материальной культуры, связанные с детьми; (2) участки пространства, которые могли использоваться для игр или обучения; (3) изображения; (4) остатки погребальных и иных ритуалов (Baxter 2005: 11—13).

Очевидно, что археолог редко имеет в своём распоряжении все перечисленные источники, особенно под пунктами 2 и 3, которые связаны скорее с поздними периодами человеческой истории.

Процесс обучения детей принципам ведения хозяйства и навыкам домашнего производства, таким как гончарство, иногда может быть прослежен. Эти аспекты отражены в ряде работ (Kamp 2001; Kamp et al. 1999; Bagwell 2002; Куприянова, 2003; Берсенева и др. 2014; Garrido-Pena, Herrero-Corral 2015). Тем не менее предметы, произведённые или используемые детьми, крайне сложно идентифицировать, что отмечают и сами исследователи этого направления.

Гендерной социализацией называют «процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живёт»¹. Во всех обществах мальчиков и девочек социализируют по-разному. Иногда дифференциальная социализация начинается прямо от рождения, как во многих современных обществах, иногда, как известно из этнографии и истории, — несколько позже (Байбурин 1991: 258—261; Бочаров: 2001: 117—138). Усваиваются прежде всего коллективные, общезначимые нормы, гендерные стереотипы, которые родители и общество начинают формировать у ребёнка с раннего детства.

Исследования современных психологов показывают, что дети пытаются воспринимать гендерные стереотипы и различия с самого раннего возраста, равно как и учатся ассоциировать себя с определённым гендером (Берн 2007: 202—209). Несомненно, что в древности дети также следовали гендерным схемам, принятым в их обществе, как это происходит сейчас. Также очевидно, что понятия культурной самоидентификации прививались с самого раннего возраста. Из этнографических и письменных источников известно, что в некоторых обществах гендерные различия могли начинать культивироваться по достижении определённого возраста, обычно после года, но иногда и позже, когда ребёнку уже полагались гендерно-различительная одежда, причёска, аксессуары, игрушки (Байбурин 1991: 257—260). Возможно, это было связано с высокой детской смертностью именно на первом году жизни.

Реконструкция *возрастных групп* основывается на признании того факта, что принадлежность к определённым возрастным группам может маркироваться в том числе и материальными средствами. Например, переход во взрослое состояние может сопровождаться появлением права на ношение и использование оружия. Символизм,

---

¹ Выделяются две фазы гендерной социализации: 1) адаптивная (внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям); 2) интериоризации (сущностное усвоение мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей). См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.

связанный с возрастом умершего, зачастую является важной частью погребального ритуала. Тот факт, что социальный возраст может иметь своё материальное воплощение, предполагает принципиальную возможность изучения его средствами, доступными археологии. Предполагается, что разница в обращении с умершими разных возрастов могла соответствовать степени их необходимости для нормального функционирования общества (Binford 1971: 233). В этом смысле принципиальный интерес представляют исследования детского костюма и его изменений в связи с возрастом ребёнка (Kupriyanova 2022).

Тем не менее наличие в социуме возрастной структуры автоматически не предполагает её прямого отражения в погребальной сфере. Степень, в которой возрастные различия влияют на погребальную обрядность, различна для разных культур. В целом считается, что возрастные символы преобладают в погребениях эгалитарных обществ, что связано с доминированием достигнутого социального статуса, который напрямую зависит от возраста.

В сложных социумах, имеющих иерархическую структуру, влияние возраста на социальную позицию может быть выражено в значительно меньшей степени. Высокое статусное положение здесь наследуется или распространяется на всех членов семьи независимо от возраста. Обычно наличие богатых детских погребений связывается с существованием в сообществе приписываемого статуса и, следовательно, социальной иерархии (Brown 1981: 29). Возрастные группы продолжают существовать и в сложных обществах, но могут находить меньшее отражение в погребальной сфере, уступая главное место символам вертикальных социальных различий.

Базой для интерпретации возрастных групп в социальном смысле является определение биологического возраста останков. Биологическая антропология разбивает погребённую популяцию на возрастные группы, прямо основанные на стадиях изменения скелета: *infantilis I* (до 6—7 лет), *infantilis II* (до 12—13 лет), *juvenis* (до 18—20 лет), *adultus* (до 35 лет), *maturus* (до 50—55 лет) и *senilis* (старше 55 лет) (Алексеев, Дебец 1964: 39). Но сугубо антропологическое деление, скорее всего, не вполне соотносится с нормами реальных обществ. К тому же точность остеологических определений часто не позволяет выделить столько групп.

С другой стороны, выявление «культурно-осознаваемых» возрастных групп является одной из задач исследования и может произойти только в результате анализа археологического материала. Это вынуждает для начала всё же сгруппировать погребённых по возрастным категориям. Здесь исследователь должен исходить из возможностей источника, добавляя или объединяя возрастные группы, чтобы использовать их в качестве рабочего инструмента.

Основными *методами*, используемыми в современной археологии для интерпретации погребальных данных с социальной точки зрения и выявления древних социальных структур, являются методы математической статистики и контекстуального анализа. О проблемах применения статистических методов для социального анализа автору уже приходилось писать (Берсенева 2011). Однако методы корреляции для поиска и выявления возможных закономерностей, скрытых в массовом материале, показали себя довольно хорошо (Берсенева 2011; 2022; 2023 и т.д.).

При анализе детских погребений активно используются достижения естественных наук: антропологии, археозоологии, трасологии, радиоуглеродного датирования. В последние годы произошёл качественный сдвиг в использовании антропологических методов, анализа древнего ДНК и анализа стабильных изотопов. Следует отметить прогресс в изучении палеопатологических изменений, обнаруженных на детских останках (Куфтерин, Нечвалода 2016; Murphy, Khokhlov 2016; Балабанова 2017; Луайе, Шарапова 2017; Моргунова и др. 2022). Исследования демонстрируют, что дети были подвержены различным инфекциям и стрессам, у некоторых наблюдались задержки роста, анемические состояния, эмалевая гипоплазия, мастоидит и даже метастатический рак (Медникова 2002; Murphy, Khokhlov 2016; Карапетян, Шарапова 2022; Моргунова и др. 2022). М.Б.Медникова, исследовавшая останки 7-летнего ребёнка из Большекараганского могильника (синташтинская культура), отмечает, что «среди скелетных особенностей данного индивидуума следует отметить присутствие индикаторов физиологического стресса, свидетельствующих о перенесённой анемии, периодах острого голода или лихорадочных состояний» (Медникова 2002: 166). Есть и другие примеры. По результатам изучения останков из могильника Каменный Амбар-5 (синташтинская культура, Южное Зауралье) М. Джадд нашла незначительное количество маркеров стресса и травм на останках детей, но высокий уровень детской смертности заставил её предположить уязвимость детей перед «негостеприимной и нестабильной окружающей природной средой» степей Южного Урала (Judd et al. 2018).

В качестве «независимого» свидетельства статуса детей в обществах бронзового века Южного Урала можно рассматривать результаты изотопного анализа и исследования зубной системы, предпринятых на материалах могильников Бестамак и Лисаковский (Ventresca Miller et al. 2014). В обоих случаях ни в диете, ни в распространении зубных заболеваний значимых различий между взрослыми и детьми, а также между мужчинами и женщинами обнаружено не было. Выполнен также ряд исследований по изучению питания детей эпохи

бронзы Южного Зауралья и Северо-Западного Казахстана (Ventresca Miller et al. 2016). Очень важными представляются результаты изотопного анализа и анализа ДНК останков из могильника Неплюевский (Южное Зауралье), впервые для данного периода и региона позволившие реконструировать родственные связи умерших и отчасти жизнь целых семей бронзового века (Blöcher et al. 2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая подходы к анализу источников, несущих потенциальную информацию о детской части древних социумов, нужно отметить, что вопросы исследования детства в древних обществах должны быть на повестке дня современной социальной археологии. Для многих археологическим культур, особенно эпохи палеометалла, источниковая база более чем достаточна, чтобы изучать «мир» древних детей. Например, на некоторых могильниках синташтинской культуры Южного Зауралья до 70% погребённых составляют индивиды возрастом смерти до 15 лет, что даёт богатую почву для исследований (Ражев, Епимахов 2004). Сходную пропорцию дают и памятники срубно-алакульского круга. В большинстве случаев контекст погребений предоставляет возможности для интерпретации социальной природы детства. Поселенческие материалы при внимательном анализе могут дополнять материалы могильников. Детские погребения на поселениях свидетельствуют об альтернативных погребальных практиках, существовавших в отношении детей. Сами детские останки также являются ценным источником.

Универсальная проблема выявления и интерпретации «мира детей» тем не менее остаётся. Несмотря на то, что дети, вероятно, были включены в экономическую деятельность сообщества с максимально раннего возраста, они не были основными производителями в экономической сфере, равно как и главными действующими лицами в обрядовых, военных, обменных и прочих мероприятиях. Зачастую ограниченная лишь погребальными источниками, археология может видеть детей только как объекты действий со стороны взрослых и наблюдать материальные остатки ритуалов, которые выполнялись взрослыми для их умерших детей.

Погребальные памятники, нравятся нам это или нет, пока остаются базовыми, так как только там можно напрямую «увидеть» индивида, в данном случае ребёнка. Взрослые, создававшие облик погребения, как представляется, клали туда вещи не случайные, а наполненные символическим смыслом, который археолог может попытаться восстановить. Ребёнок, вероятнее всего, хоронился

в своей одежде, с украшениями, аксессуарами или предметами (возможно, гендерно-окрашенными), которые если и не принадлежали ему лично, то имели отношение к его возрасту, полу и прочим социальным характеристикам. Это не противоречит этнографическим и историческим данным. На ранних стадиях жизни именно взрослые формируют гендерный внешний вид ребёнка — с помощью одежды, причёски, украшений и т.д. Возможно, только через отношение взрослых археология вообще может проникнуть в мир древних детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. М.: Наука.
- Байбурин А.К. 1991. Обрядовые формы половой идентификации детей. *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. СПб.: Наука, 257—265.
- Балабанова М.А. 2009. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья. *Российская археология*, № 3, 79—88.
- Балабанова М.А. 2017. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени). *Нижеволжский археологический вестник*, Т. 16, № 1, 62—82.
- Балабанова М.А. 2018. Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования. *Stratum Plus*, № 2, 245—258.
- Берн Ш. 2007. *Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Берсенева Н.А. 2010. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры). *Уральский исторический вестник*, № 2, 38—45.
- Берсенева Н.А. 2011. *Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Берсенева Н.А. 2022. Детские погребения срубной культуры Южного Урала. Изучение возрастных групп и этапов социализации детей. *Поволжская археология*, № 1 (39), 61—70.
- Берсенева Н.А. 2023. Детские погребения алакульской культуры Южного Зауралья: реконструкция возрастных групп. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 4 (63), 68—76.
- Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г. 2014. Следы детства. Поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья). *Вестник НГУ*, Т. 13, № 3, 88—100.
- Бочаров В.В. 2001. *Антропология возраста: учеб. пособие*. СПб.: СПбГУ.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А. 2015. Номо Ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки). *Вестник Кемеровского государственного университета*, № 2—6 (62), 24—28.
- Карапетян М.К., Шарапова С.В. 2022. Патологические изменения на скелетах из Неплюевского могильника эпохи поздней бронзы (курган 1). *Нижеволжский археологический вестник*, Т. 21, № 2, 100—119.

- Куприянова Е.В. 2003. Отпечатки ногтей на древней керамике как исторический источник. *Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода*. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 62—70.
- Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. 2016. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 4 (35), 79—89.
- Луайе Ж., Шарапова С.В. 2017. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский). *Уральский исторический вестник*, № 1, 103—112.
- Медникова М.Б. 2002. Погребение ребёнка (№ 16) в кургане 25 Большекараганского могильника: палеоантропологическое описание. *Аркам: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника)*. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 164—166.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Чечёткина О.Ю., Медникова М.Б. 2022. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье. *Археология, этнография и антропология Евразии*, Т. 50, № 2, 49—58.
- Очерки 1994: *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний*. Томск: ТГУ.
- Перерва Е.В. 2017. Детские и подростковые палеоантропологические материалы позднесарматского времени из могильников Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект). *Нижеволжский археологический вестник*, Т. 16, № 1, 83—108.
- Ражев Д.И., Епимахов А.В. 2004. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 5, 107—113.
- Словарь 2002: *Словарь гендерных терминов*. М.: Информация XXI век.
- Файзуллин А.А. 2014. К вопросу о мире детства в обществе ямной культуры Волго-Уралья. *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. 1. Казань: Отечество, 516—519.
- Bagwell E. 2002. Ceramic Form and Skill. Attempting to Identify Child Producers at Pecos Pueblo, New Mexico. *Children in the Prehistoric Puebloan Southwest*. Salt Lake City: University of Utah Press, 90—107.
- Baxter J.E. 2008. The Archaeology of Childhood. *Annual Review of Anthropology*, Vol. 37, 159—175.
- Bello S.M., Thomann A., Signoli M., Dutour O. et al. 2006. Age and Sex Bias in the Reconstruction of Past Population Structure. *American Journal of Physical Anthropology*, Vol. 129, 24—38.
- Berseneva N.A. 2017. Bronze Age Child Burials in the Southern Trans-Urals (21st—15th Centuries cal. BC). *Children, Death and Burial. Archaeological Discourses*. Oxford: Oxbow Books, 125—146.
- Binford L.R. 1971. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential. *An Archaeological Perspective*. New York: Seminar Press, 209—243.
- Blöcher J., Brami M., Feinauer I.S., Stolarczyk E. et al. 2023. Descent, Marriage, and Residence Practices of a 3,800-Year-Old Pastoral Community in Central Eurasia. *PNAS*, Vol. 120, Num. 36.
- Brown J.A. 1981. The Search for Rank in Prehistoric Burials. *The Archaeology of Death*. Cambridge: Cambridge University Press, 25—37.

- Chamberlain A.T. 1997. Commentary: Missing Stages of Life — towards the Perception of Children in Archaeology. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press, 248—250.
- Crawford S. 2009. The Archaeology of Play Things: Theorising a Toy Stage in the Biography of Objects. *Childhood in the Past*, Vol. 2, 56—71.
- Crawford S., Lewis C. 2008. Childhood Studies and the Society for the Study of Childhood in the Past. *Childhood in the Past*, Vol. 1, 5—16.
- Garrido-Pena R., Herrero-Corral A.M. 2015. Children as Potters: Apprenticeship Patterns from Bell Baker Pottery of Copper Age Inner Iberia (Spain) (c. 2500—200 cal. BC). *Children, Spaces and Identity*. Oxford: Oxbow Books, 26—39.
- Judd M.A., Walker J.L., Ventresca Miller A., Razhev D. et al. 2018. Life in the Fast Lane: Settled Pastoralism in the Central Eurasian Steppe during the Middle Bronze Age. *American Journal of Human Biology*, e23129. doi: 10.1002/ajhb.23129.
- Kamp K.A. 2001. Were Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood. *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 8, Num. 1, 1—33.
- Kamp K.A., Timmerman N., Lind G., Graybill J. et al. 1999. Discovering Childhood: Using Fingerprints to Find Children in the Archaeological Record. *American Antiquity*, Num. 64, 309—315.
- Kupriyanova E. 2022. Women's and Children's Costume in Early Indo-European Communities of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *The Journal of Indo-European Studies*, Vol. 50, No. 3 & 4, 505—544.
- Lillehammer G. 1989. A Child Is Born. *Norwegian Archaeological Review*, Num. 22, 89—105.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Tague R.G., Latimer B. et al. 1997. The Comparative Senescent Biology of the Hominoid Pelvis and Its Implications for the Use of Age-at-Death Indicators in the Human Skeleton. *Integrating Archaeological Demography. Multidisciplinary Approaches to Prehistoric Population*. Occasional Paper. Carbondale: Southern Illinois University Press, Num. 24, 43—63.
- Moore J., Scott E. (eds.) 1997. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press.
- Murphy E.V., Khokhlov A.A. 2016. A Bioarchaeological Study of Prehistoric Populations from the Volga Region. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project*. UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 149—216.
- Scott E. 1997. Introduction: On the Incompleteness of Archaeological Narratives. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press, 1—12.
- Scott E. 1999. *The Archaeology of Infancy and Infant Death*. BAR International Series 819. Oxford: Archaeopress.
- Sofaer J.R. 2006. *The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ucko P.J. 1969. Ethnography and the Archaeological Interpretation of Funerary Remains. *World Archaeology*, Vol. 1, 262—290.
- Ventresca Miller A., Hanks B.K., Judd M., Epimakhov A. et al. 2016. Weaning Practices among Pastoralists: New Evidence of Infant Feeding Patterns from Bronze Age Eurasia. *American Journal of Physical Anthropology*, Vol. 1, 1—14.
- Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S. et al. 2014. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition. *Journal of Archaeological Science*, Num. 42, 525—538.

STUDYING CHILDREN AS SOCIAL CATEGORY IN ARCHAEOLOGY: SOURCES, APPROACHES AND METHODS

N.A. Berseneva

Children represented a social group that is unique in many ways. The first part of life is both a universal period for all human communities and, at the same time, a very culturally specific construct, individual for each society. At present, the question of whether archaeology can or should study “childhood” in ancient times is no longer on the scientific agenda. Having emerged in the late 1980s, the archaeology of childhood has firmly taken its place within the social direction of archaeological science. The article discusses approaches and methods of analyzing the “world of children” based on archaeological data, as well as the sources at our disposal. The studying of literature and excavation materials demonstrates that modern archaeology has a large corpus of sources on this issue – from numerous burials to artefacts at the settlements; theoretical approaches have been mainly developed over the past decades, and the methods continue to improve every day. Along with the analysis of mass material, multidisciplinary methods are actively used today, allowing insight into the lives of little individuals and their families. Using various approaches and methods, archaeology tries to reconstruct different aspects of children’s lives – growing up, socialization, development of skills and leisure, participation in rituals and public life, as well as such personal characteristics as nutrition, physical development, pathologies, diseases and causes of death. Thus, in the 21st century, the archaeology of childhood is gradually reaching a qualitatively new level of argumentation of its conclusions and assumptions.

Keywords: social archaeology, archaeology of childhood, sources, approaches, methods.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F. 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methods of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Bayburin A.K. 1991. *Obryadovye formy polovoy identifikatsii detey* [Ritual Forms of Sexual Identification of Children]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhen-skogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]. Saint Petersburg: Nauka, 257–265.
- Balabanova M.A. 2009. *Polovozrastnaya struktura naseleniya pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya* [Age and Sex Structure of the Population of the Late Sarmatian Period of the Lower Volga Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, 79–88.
- Balabanova M.A. 2017. *Morfologiya detskikh zakhoroneniyy rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya (po materialam mogil'nikov rannesarmatskogo vremeni)* [Morphology of Child Burials of Early Nomads in the Lower Volga Region (Based on Materials of the Burial Mounds of Early Sarmatian Time)]. *Nizhnevolzhskiy*

- arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 1, 62—82.
- Balabanova M.A. 2018. Detskie pogrebeniya srubnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Children's Burials of the Srubnaya Cultural and Historical Community as an Object of Interdisciplinary Research]. *Stratum Plus*, no. 2, 245—258.
- Bern Sh. 2007. *Gendernaya psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Gender Psychology. Laws of Male and Female Behavior]. Saint Petersburg: Praym-EVROZNAK.
- Berseneva N.A. 2010. Sotsializatsiya detey kak odno iz napravleniy sotsiokul'turnoy adaptatsii v drevnikh obshchestvakh (po materialam sintashtinskoj kul'tury) [Socialization of Children as One of the Directions of Sociocultural Adaptation in Ancient Societies (based on the Materials of the Sintashta Culture)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2, 38—45.
- Berseneva N.A. 2011. *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoj kul'tury* [Social Archaeology: Age, Gender and Status in the Sargat Burials]. Ekaterinburg: URO RAN.
- Berseneva N.A. 2022. Detskie pogrebeniya srubnoy kul'tury Yuzhnogo Urala. Izuchenie vozrastnykh grupp i etapov sotsializatsii detey [Children's Burials of the Srubnaya Culture in the Southern Urals. Research in the Age Groups and Stages of Children Socialization]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1 (39), 61—70.
- Berseneva N.A. 2023. Detskie pogrebeniya alakul'skoj kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya: rekonstruktsiya vozrastnykh grupp [Children's Burials of the Alakul Culture in the Southern Trans-Urals: Reconstruction of Age Groups]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 4 (63), 68—76.
- Berseneva N.A., Kupriyanova E.V., Bersenev A.G. 2014. Sledy detstva. Poisk detey v arkheologicheskom istochnike i izuchenie keramicheskikh artefaktov (epokha bronzy Yuzhnogo Zaural'ya) [Traces of Childhood. Search for Children in an Archaeological Source and Study of Ceramic Artifacts (Bronze Age of the Southern Trans-Urals)]. *Vestnik NGU* [Novosibirsk State University Bulletin], vol. 13, no. 3, 88—100.
- Bocharov V.V. 2001. *Antropologiya vozrasta: ucheb. posobie* [Anthropology of Age: Textbook]. Saint Petersburg: SPbGU.
- Epimakhov A.V., Berseneva N.A. 2015. Homo Ludens bronzovogo veka Yuzhnogo Urala (igry i igrushki) [Homo Ludens of the Bronze Age in the Southern Urals (Games and Toys)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], no. 2—6 (62), 24—28.
- Karapetyan M.K., Sharapova S.V. 2022. Patologicheskie izmeneniya na skeletakh iz Neplyuevskogo mogil'nika epokhi pozdney bronzy (kurgan 1) [Pathological Changes on Skeletons from the Bronze Age Neplyuevsky Cemetery (Kurgan 1)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, 100—119.
- Kupriyanova E.V. 2003. Otpechatki nogtey na drevney keramike kak istoricheskiy istochnik [Fingernail Prints on Ancient Ceramics as a Historical Source]. *Drevnyaya keramika: problemy i perspektivy kompleksnogo podkhoda* [Ancient Ceramics: Problems and Prospects of an Integrated Approach]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe kn. izd-vo, 62—70.
- Kufterin V.V., Nechvaloda A.I. 2016. Antropologicheskoe issledovanie skeletov iz srubno-alakul'skogo kurgana Selivanovskogo II mogil'nika (Yuzhnoe Zaural'e) [Anthropological Study of Skeletons from the Srubno-Alakul Burial

- Mound of the Selivanovsky II Burial Ground (Southern Trans-Urals). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 4 (35), 79–89.
- Loyer J., Sharapova S.V. 2017. Paleopatologii detey iz pogrebeniy bronzovogo veka (na primere mogil'nika Nepluevskiy) [Paleopathological Study of the Bronze Age Children's Burials (the Nepluevsky Cemetery Case Study)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1, 103–112.
- Mednikova M.B. 2002. Pogrebenie rebenka (№ 16) v kurgane 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika: paleoantropologicheskoe opisaniye [Child's Burial (No. 16) in Mound 25 of the Bolshekaragansky Burial Ground: Paleoanthropological Description]. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)* [Arkaim: Necropolis (based on Materials from Mound 25 of the Bolshekaragansky Burial Ground)]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe kn. izd-vo, 164–166.
- Morgunova N.L., Faizullin A.A., Chechetkina O.Yu., Mednikova M.B. 2022. Bioarkheologiya detstva v yamnoy kul'ture po materialam kurgana 1 mogil'nika Boldyrevo-4 v Yuzhnom Priural'e [Bioarchaeology of Childhood in the Yamnaya Culture, based on Kurgan 1 at Boldyrevo-4, the Southern Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 50, no. 2, 49–58.
- Ocherki 1994: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 2. Mir real'nyy i potustoronniy* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 2. The Real and Other World]. Tomsk: TGU.
- Pererva E.V. 2017. Detskie i podrostkovye paleoantropologicheskie materialy pozdnesarmatskogo vremeni iz mogil'nikov Nizhnego Povolzh'ya (paleopatologicheskiy aspekt) [Children's and Adolescent Paleoanthropological Materials of the Late Sarmatian Period from the Burial Grounds of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 1, 83–108.
- Razhev D.I., Epimakhov A.V. 2004. Fenomen mnogochislennosti detskikh pogrebeniy v mogil'nikakh epokhi bronzy [The Phenomenon of the Large Number of Children's Burials in Bronze Age Cemeteries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 5, 107–113.
- Slover' 2002: *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.
- Faizullin A.A. 2014. K voprosu o mire detstva v obshchestve yamnoy kul'tury Volgo-Ural'ya [Towards the World of Childhood in the Society of the Yamnaya Culture in the Volga-Ural Region]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. 1. Kazan': Otechestvo, 516–519.
- Bagwell E. 2002. Ceramic Form and Skill. Attempting to Identify Child Producers at Pecos Pueblo, New Mexico. *Children in the Prehistoric Puebloan Southwest*. Salt Lake City: University of Utah Press, 90–107.
- Baxter J.E. 2008. The Archaeology of Childhood. *Annual Review of Anthropology*, vol. 37, 159–175.
- Bello S.M., Thomann A., Signoli M., Dutour O. et al. 2006. Age and Sex Bias in the Reconstruction of Past Population Structure. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 129, 24–38.
- Berseneva N.A. 2017. Bronze Age Child Burials in the Southern Trans-Urals (21st–15th Centuries cal. BC). *Children, Death and Burial. Archaeological Discourses*. Oxford: Oxbow Books, 125–146.
- Binford L.R. 1971. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential. *An Archaeological Perspective*. New York: Seminar Press, 209–243.

- Blöcher J., Brami M., Feinauer I.S., Stolarczyk E. et al. 2023. Descent, Marriage, and Residence Practices of a 3,800-Year-Old Pastoral Community in Central Eurasia. *PNAS*, vol. 120, num. 36.
- Brown J.A. 1981. The Search for Rank in Prehistoric Burials. *The Archaeology of Death*. Cambridge: Cambridge University Press, 25–37.
- Chamberlain A.T. 1997. Commentary: Missing Stages of Life — towards the Perception of Children in Archaeology. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press, 248–250.
- Crawford S. 2009. The Archaeology of Play Things: Theorising a Toy Stage in the Biography of Objects. *Childhood in the Past*, vol. 2, 56–71.
- Crawford S., Lewis C. 2008. Childhood Studies and the Society for the Study of Childhood in the Past. *Childhood in the Past*, vol. 1, 5–16.
- Garrido-Pena R., Herrero-Corral A.M. 2015. Children as Potters: Apprenticeship Patterns from Bell Baker Pottery of Copper Age Inner Iberia (Spain) (c. 2500–200 cal. BC). *Children, Spaces and Identity*. Oxford: Oxbow Books, 26–39.
- Judd M.A., Walker J.L., Ventresca Miller A., Razhev D. et al. 2018. Life in the Fast Lane: Settled Pastoralism in the Central Eurasian Steppe during the Middle Bronze Age. *American Journal of Human Biology*, e23129. doi: 10.1002/ajhb.23129.
- Kamp K.A. 2001. Were Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood. *Journal of Archaeological Method and Theory*, vol. 8, num. 1, 1–33.
- Kamp K.A., Timmerman N., Lind G., Graybill J. et al. 1999. Discovering Childhood: Using Fingerprints to Find Children in the Archaeological Record. *American Antiquity*, num. 64, 309–315.
- Kupriyanova E.V. 2022. Women's and Children's Costume in Early Indo-European Communities of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *The Journal of Indo-European Studies*, vol. 50, no. 3 & 4, 505–544.
- Lillehammer G. 1989. A Child Is Born. *Norwegian Archaeological Review*, num. 22, 89–105.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Tague R.G., Latimer B. et al. 1997. The Comparative Senescent Biology of the Hominoid Pelvis and its Implications for the Use of Age-at-Death Indicators in the Human Skeleton. *Integrating Archaeological Demography. Multidisciplinary Approaches to Prehistoric Population*. Occasional Paper. Carbondale: Southern Illinois University Press, num. 24, 43–63.
- Moore J., Scott E. (eds.) 1997. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press.
- Murphy E.V., Khokhlov A.A. 2016. A Bioarchaeological Study of Prehistoric Populations from the Volga Region. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project*. UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 149–216.
- Scott E. 1997. Introduction: On the Incompleteness of Archaeological Narratives. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. Leicester: Leicester University Press, 1–12.
- Scott E. 1999. *The Archaeology of Infancy and Infant Death*. BAR International Series 819. Oxford: Archaeopress.
- Sofaer J.R. 2006. *The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ucko P.J. 1969. Ethnography and the Archaeological Interpretation of Funerary Remains. *World Archaeology*, vol. 1, 262–290.
- Ventresca Miller A., Hanks B.K., Judd M., Epimakhov A. et al. 2016. Weaning Practices among Pastoralists: New Evidence of Infant Feeding Patterns from Bronze Age Eurasia. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 1, 1–14.
- Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S. et al. 2014. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition. *Journal of Archaeological Science*, num. 42, 525–538.